

гг. П. Н. Шульцем³⁸. Им был заложен раскоп размером $7,5 \times 6$ м, вскрыта так называемая «юрта» I в. н. э. и установлена стратиграфия городища. П. Н. Шульц выделил 4 слоя, датирующихся в целом временем с конца IV в. до н. э. до III в. н. э. Памятник этот возник, таким образом, значительно ранее времени Диофантовых войн. Но это, на мой взгляд, никоим образом не противоречит локализации здесь Евпатория, так как основание города в том смысле, в каком этот акт находит свое отражение в документах типа почетного декрета, совсем не обязательно предполагает его сооружение на пустом месте³⁹. Речь может идти об укреплении давно существующего поселения, о его коренной перестройке, наконец, о каком-либо чисто юридическом акте. Это последнее обстоятельство заставило недавно румынского исследователя Д. М. Пишиди предположить, что декрет имеет в виду чисто юридический акт предоставления полисных прав местному населению — таврам. Д. М. Пишиди высказывает сомнение в самом существовании древнего города Евпатория, «относительно которого не имеется никаких сведений и который следовало бы еще обозначить на карте»⁴⁰. Пессимизм этого автора представляется необоснованным. Древний Евпаторий несомненно существовал, но возможно, что упоминаемое в декрете и у Страбона основание Диофантом города фактически свелось к присвоению имени царя-победителя Митридата Евпатора какому-либо давно существовавшему поселению⁴¹. Следовательно, хронология городища Кара-Тобе не противоречит отождествлению его с древним Евпаторием, так как населенный пункт, названный Диофантом в честь Митридата, не обязательно возник лишь в этот период.

В пользу такой локализации говорит и следующее обстоятельство. Было ли основание Диофантом Евпатория чисто юридическим актом или же оно носило характер укрепления какого-то из существующих поселений, ясно одно: это должен был быть или наиболее крупный или во всяком случае стратегически важный пункт этого района. Вряд ли имя Евпатора было присвоено Диофантом одному из многочисленных поселений побережья, ничем среди других не выделяющемуся. Наиболее крупными городами этого района являлись Керкинитида и Прекрасная Гавань. Но отождествлять их с Евпаторием мы не можем, так как в декрете эти города названы своими старыми именами уже п о с л е сообщения об основании Диофантом города. Остальные городища побережья вряд ли могут претендовать на эту честь, так как не имеют ни гаваней, ни выгодного стратегического положения — это рядовые торгово-земледельческие поселения. Исключение составляет городище Кара-Тобе. Оно представляло собою ключевую точку, замыкающую с юга пересыпь озера Сасык, и таким образом перекрывало кратчайший путь из прибрежных районов Скифского царства к херсонесским владениям — Керкинитиде и прочим укреплениям⁴². Здесь, на границе с только что разбитыми скифами, вполне уместно политически и оправдано стратегически основание крепости, названной именем царя-победителя, который, говоря словами декрета, первым воздвиг над скифами трофей.

Итак, анализ различных источников приводит нас к выводу, что основанный Диофантом Евпаторий следует искать в Северо-Западном Крыму. Локализация его на каком-либо конкретном городище более гипотетична, но цифровые данные Птолемея за-

³⁸ П. Н. Шульц, Евпаторийский район, в кн.: «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.», М. — Л., 1941, стр. 272—275; о н ж е, О работах Евпаторийской экспедиции, СА, III, 1937, стр. 253 сл.

³⁹ Достаточно вспомнить, каким образом Юрий Долгорукий получил недавно титул основателя Москвы.

⁴⁰ D. M. P i p p i d i, Sur un Passage Obscur du Décret en l'honneur de Diophante, fils d'Asclépiodore, Archeologia, IX, Warszawa — Wrocław, 1957, стр. 97.

⁴¹ На возможность такого толкования факта основания Диофантом города мне указал профессор В. Д. Блаватский, за что приношу ему глубокую благодарность.

⁴² Хотя по данным геоморфологов полная изоляция озера Сасык от моря произошла всего несколько сот лет назад, дорога через пересыпь, вероятнее всего, уже существовала в интересующее нас время. Конфигурация пересыпи несколько отличалась от современной (см. В. П. З е н к о в и ч, Морфология и динамика советских берегов Черного моря, т. II, М., 1960, стр. 181).

ставляют предпочтение городище Кара-Тобе. Это подтверждается и его стратегическим положением. Окончательное подтверждение или опровержение этой версии должно дать археологическое исследование, в первую очередь эпиграфические находки.

Д. С. Раевский

THE SITE OF ANCIENT EUPATORIUM

by D. S. Rayevsky

The location of the fortress-town Eupatorium, founded in the Crimea by Diophantus, has for many years been the subject of learned debate. The reason for this is, first of all, the paucity of information in the sources (Strabo, Ptolemaeus, Ammianus Marcellinus and — though without naming the town — the decree honouring Diophantus). The site is usually supposed to be in the neighbourhood of Chersonesus. However, a careful study of the text of the Chersonesus decree obliges us to transfer the search to the north-western seaboard of the Crimea. This hypothesis is not disproved by Strabo's data, and analysis of the figures given by Ptolemaeus fully confirms it. In that case the expression «the other side» in the Chersonesus decree must be taken as referring to the territory subject to Chersonesus in north-western Crimea. Neither does mention of the Taurians in the decree conflict with location of Eupatorium in this area, since, in spite of established tradition, the literary and archaeological evidence shows that not only the mountainous region of the Crimea was Taurian territory, but almost the whole peninsula. The location of Eupatorium at any particular ancient town-site is possible only on the basis of the figures given by Ptolemaeus, and the interpretation of these is far from easy. By comparing the coordinates of the known and unknown points mentioned by Ptolemaeus and by translating his system of coordinates into distances expressed in stades we see that, according to Ptolemaeus, Eupatorium was 343 stades north-west of Chersonesus. A comparison of the Ptolemaic coordinates of known points in this region shows that Ptolemaeus's stade for the North-West Black Sea region is equivalent to 158 metres. When we transfer the information gained from Ptolemaeus to the map we find that Eupatorium must be located on the site of Kara-Tobe, at the southern tip of the seaward bank of Lake Sasyk. The strategic position of the site would make it an important base-point in the struggle of Chersonesus with the Scythians, which strengthens the probability of the theory that the fort was named after Mithridates. Chronological data obtained from trial digs by P. N. Schultz favour the conjecture that the founding of Eupatorium by Diophantus amounted to the renaming of a settlement which had existed on this spot for a very long time, and also, perhaps, to the erection of additional fortifications.

К ВОПРОСУ О ЛОКАЛИЗАЦИИ КОРАКСОВ И ИХ КРЕПОСТИ В АБХАЗИИ

Абхазия раннеантичной эпохи изучалась до сих пор в основном в прибрежной, низинной ее части. Здесь исследовано довольно значительное число памятников, характеризующих культуру местных племен и их взаимоотношения с греческими колонистами, в VI в. до н. э.¹ основавшими свои торговые фактории на побережье Абхазии.

¹ В. Ф. Г а й д у к е в и ч, История античных городов Северного Причерноморья, сб. «Античные города Северного Причерноморья», I, М.—Л., 1955, стр. 29.

Поселения этого времени исследовались в районе города Очамчира², на горе Гуад-иху³, на Сухумской горе⁴, в поселке Красный Маяк⁵ близ Сухуми. Археологические находки свидетельствуют о том, что в VI—II вв. до н. э. Абхазия превращалась в органическую, хотя и периферийную часть античного культурного мира⁶.

Однако до сих пор в литературе не имелось данных о культуре племен, обитавших в изучаемый период в высокогорных долинах Абхазии. Некоторый свет может пролить на этот вопрос изучение обнаруженных нами руин крепости, находящихся на 15-м километре Военно-Сухумской дороги, в северной части Пацхирского (Ольгинского) ущелья.

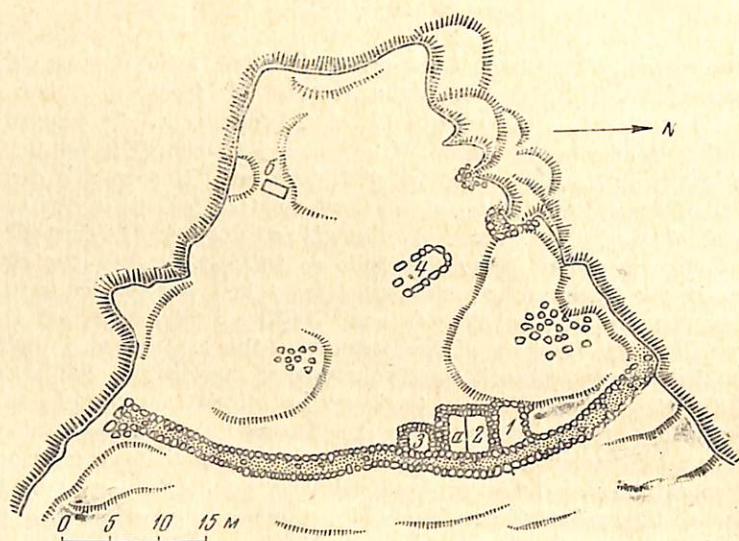

Рис. 1. План Пацхирской крепости

Клухорский перевальный путь в течение нескольких тысячелетий играл большую роль в культурном развитии племен, издавна обитавших в Цебельдинской долине и дальше вверх по реке Кодор⁷. По-видимому, возникновение и функции укрепления, названного нами Пацхирским, также связаны с этим путем. Укрепление (рис. 1), треугольное в плане, расположено на вершине холма, возвышающегося более чем на 100 м над местом впадения в реку Большая Мачара ее левого притока. С двух сторон, обращенных к ущелью, площадку крепости защищают 10-метровые неприступные обрывы, а с третьей, восточной стороны от обрыва до обрыва построена каменная стена длиной 60 м, шириной 3—4 м, образуя крепостной двор площадью до 1300 кв. м. Стена сложена на скалистом основании насухо из больших необработанных глыб известняка, следы выработки которого проявляются на территории укрепления в виде небольших обрывчиков, ям, нагромождений камня. Высота сохранившейся стены достигает снаружи 1,5 м. Обмеры одной из глыб равны $1,3 \times 0,9 \times 0,5$ м. Снаружи скала, на которой стоит основание стены, образует обрыв, искусственно выровненный в древности выломкой

² Л. Н. Соловьев, Селища с текстильной керамикой на побережье Западной Грузии, СА, XIV, 1950.

³ М. М. Трапш, Некоторые итоги археологического исследования Сухуми в 1951—1953 гг., СА, XXIII, 1955.

⁴ А. Н. Каландадзе, Археологические памятники Сухумской горы, Сухуми, 1954.

⁵ М. М. Трапш, Археологические раскопки в окрестностях Сухуми, ТАИЯЛИ, XXIX, 1958.

⁶ З. В. Анчабадзе, История и культура древней Абхазии, М., 1964, стр. 168.

⁷ Г. К. Шамба, Население нагорной Абхазии в позднеантичную эпоху (авто-реф. дисс.), Тбилиси, 1966, стр. 16—17.

камня. Таким образом, общая высота стены с этим естественным цоколем достигает и сейчас 2—2,5 м. Особенность кладки стены заключается в том, что крупные камни образовывали две параллельные стенки, пространство между которыми заполнялось более мелкими обломками. Подобная облицовочная кладка характерна для циклопических крепостей IX—VIII вв. до н. э.⁸, обследованных в Цалкинском районе Грузии⁹. В северной части крепости, где обрывы, прерываясь, образуют крутые подходы, прослеживаются также небольшие участки каменной кладки.

В северо-западном углу крепости изнутри к стене примыкают остатки фундаментов и стен высотой 1,4 м, принадлежащих трем помещениям (рис. 1, 1, 2, 3). Западное помещение 1 размером 2,4 × 5,2 м, толщина стен 1 м. Западная стена разрушена почти до основания. Помещение 2 размером 4,2 × 4,4 м; толщина стен 1 м; западная стенка помещения 2 общая с помещением 1. С востока к помещению 2 примыкает небольшая округлая пристройка; ее внутренние размеры 3,2 × 2,4 м, толщина стен 1 м.

Недалеко от северного обрыва отдельно находится помещение 4 размером 5 × 2 м. Вход в укрепление находился в южном углу, где существует единственно удобный подход к стене, ширина которой в этом месте достигает 4—5 м. Стена не доходит на 1 м до края обрыва, оставляя узкое место для прохода.

В 1964—1965 гг. во время работ над археологической картой района нами было заложено два разведочных шурфа — в помещении 2 и в южной части крепости у обрыва (рис. 1, а, б). В результате было получено большое количество местной керамики, обломки привозной посуды, бусы и другие предметы.

Местная керамика по величине разнообразна, стенки ее толщиной от 0,3 до 4 см. Очевидно, часть черепков принадлежит большим пифосам, служившим для хранения воды, зерна, сушеных плодов и пр. Много слабовыпуклых черепков, указывающих на существование сосудов баночных форм. Краешки округлых очертаний слегка, а иногда значительно отогнуты наружу (рис. 2, 1—4, 7). В одном случае сосуд имел краешки, загнутые внутрь (рис. 2, 10). Ручки простые, петельчатые, субовальные в сечении, со слегка вогнутой внутренней частью контура (рис. 2, 12), иногда «рогатые» — с поперечно положенным валиком на верхней части ручки для удобства упора, в одном случае ручка двустовальная (рис. 2, 13). Орнамент однолинейный, волнистый (рис. 2, 8), либо с наклонными врезками (рис. 2, 9). Одна ручка, круглая в сечении, была орнаментирована слегка наклонными поперечными насечками по сырой глине (рис. 2, 6). Донны плоские, часто с выступающим поддоном (рис. 2, 5). Местная керамика делалась в основном вручную из хорошо промешанной глины, часто со значительной примесью песка и слюды. В ряде случаев прослежена особая техника формовки керамики, которая в отличие от ленточной техники заключалась в использовании коротких, аморфных расплюснутых кусочков глины, которыми наращивались стенки сосуда.

Обжиг большей частью хороший. Глина спекшаяся, но примеси не расплавлены. Обжиг, по-видимому, производился в окислительном пламени, что в изломе выявляется яркой красной полоской снаружи и изнутри изделия. Но часто поддувало печи умышленно затыкалось, воздух терял кислород, в порах изделия начинали откладываться частицы углерода и получалась наружная черная окраска. Внутрь изделия восстановительное пламя не проникало и поэтому внутренняя поверхность сохраняла яркую окраску. Этот прием «обдымливания»¹⁰ встречается довольно часто. В изломе тесто черное или серое с сизым оттенком. В редких случаях черепок сплошь красно-жженный. Наружная поверхность изделий обычно темная, охристо-серая, сизая, красновато-охристая, хорошо сглажена или покрыта мелкозубчатым рифлением, реже крупнозубчатым. Часто она сильно шероховата от выступающих примесей и небрежно отделана.

⁸ Л. М. Меликсет-Бек, Мегалитическая культура в Грузии, Тбилиси, 1938, стр. 45.

⁹ В. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, I, Тбилиси, 1941, стр. 108; Д. М. Мшвениерадзе, Строительное дело в древней Грузии, Тбилиси, 1952, стр. 15—20.

¹⁰ Я. В. Стапкевич, Керамика нижнего горизонта Старой Ладogi, СА, XIV, 1950, стр. 212.

Внутренняя поверхность также имеет слабое рифление либо сглаживание, но обычно она осыпается.

По степени обжига, по приему «обдымливания» в восстановительном пламени и толщине стенок некоторых сосудов (появление шифосов) эта керамика обнаруживает преемственную связь с керамикой XII—VII вв. до н. э. побережья Абхазии¹¹.

Упомянутая выше ручка, орнаментированная по внешней стороне вдавленными по сырой глине слегка наклонными параллельными полосами (рис. 2, 6), сходна с аналогично исполненной ручкой сосуда, найденного в погребении VIII—VI вв. до н. э. в Красноямацком могильнике около Сухуми¹². «Рогатые» ручки получают в Колхиде

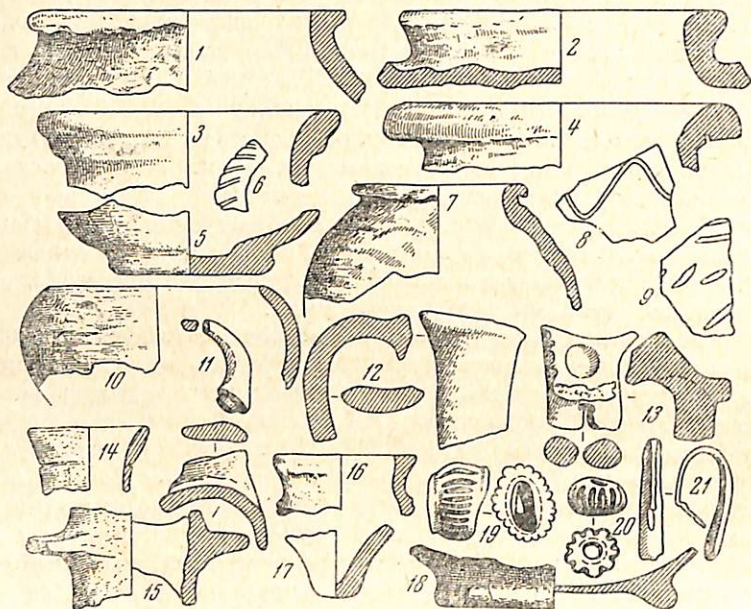

Рис. 2. Находки на Пацхирской крепости

распространение в XII—X вв. до н. э.¹³ Они зафиксированы и в слоях VIII—VII вв. до н. э.¹⁴ Подобные ручки с Пацхирской крепости носят примитивный пережиточный характер (рис. 2, 13). Здесь найдена и ручка со «штифтиком» — небольшим шипом, который вставлялся в отверстие, сделанное гончаром в стенке сосуда, и затирался изнутри, обеспечивая прочное сцепление ручки с туловом (рис. 2, 11). Подобный прием отмечен на Западном Кавказе, как в дольменной культуре¹⁵, так и в колхидских поселениях эпохи поздней бронзы¹⁶.

Однако при датировке основного комплекса местной керамики с Пацхирского укрепления, несмотря на ряд ее черт, характерных для эпохи поздней бронзы, следует учитывать характерный раннеантичный материал, залежавший в одном слое с описанной выше керамикой. Эти изделия представлены довольно большим количеством фрагментов амфорной небольших размеров тары из темной буро-красной, грязно-белой и

¹¹ Л. Н. Соловьев, Селища с текстильной керамикой на побережье Западной Грузии, СА, XIV, 1950, стр. 272—280; он же, Следы древнего соляного промысла близ г. Сухуми и г. Очамчире, ТАГМ, вып. 4, 1947, стр. 37—38.

¹² Трапш, Археологические раскопки в окрестностях Сухуми, стр. 201, рис. 12.

¹³ Б. А. Куфтин, Материалы по археологии Колхиды, II, Тбилиси, 1950, стр. 124.

¹⁴ Соловьев, Селища..., стр. 273.

¹⁵ Е. Д. Фелицин, Западнокавказские дольмены, МАК, вып. IX, 1904, стр. 61, рис. 37.

¹⁶ Куфтин, Материалы..., стр. 125.

коричневой с синеватым, лиловатым, сиреневым оттенками глины с примесью большого числа мелких черных блестящих кристаллических частичек (пироксен?). Обломки местных амфор с характерной примесью черных кристаллических частиц в глине грязно-белого цвета с различными, подобными пацхирской керамике оттенками найдены на поселениях Колхиды в слоях IV в. до н. э.¹⁷ Примесь блестящих черных частиц пироксена (авгит) характерна для амфорной керамики из «коричневой глины», поступавшей в III—I вв. до н. э. предположительно из одного из центров Южного Причерноморья¹⁸, в частности из Гераклеи¹⁹. Поскольку в III—I вв. до н. э. в Колхиде прослежено массовое производство керамической тары античного типа²⁰, в частности и из «коричневой глины» (там же), нам представляется возможным отнести соответствующую группу керамики с Пацхирского укрепления (рис. 2, 14—15) к разновидности этой местной амфорной посуды. Подобная керамика широко распространена в Абхазии на поселениях IV—I вв. до н. э., расположенных также в горной местности. Материал с этих поселений пока не опубликован.

Кроме того, в помещении 2 было найдено коническое доньшко с уплощенной подшовой от небольшой амфоры из глины красно-бурого цвета с примесью слюды и песка (рис. 2, 17), по своему облику и способу формовки относящееся к доньшкам амфор лесбосского типа VI—V вв. до н. э.²¹ Однако в глине нашего доньшка также заметна незначительная примесь очень мелких черных кристалликов. Здесь же найден обломок амфорного венчика (рис. 2, 16), плоско срезанная поверхность которого напоминает форму фасосских амфор V—III вв. до н. э.²², однако благодаря присутствию в красно-бурой глине незначительного количества очень мелких блестящих черных частиц эта керамика, видимо, относится также к продукции одной из мегарских черноморских колоний, скорее всего Гераклеи²³, где в III в. до н. э. изготовлялись подражания фасосским амфорам со срезанным венчиком²⁴. В этом же помещении обнаружено два обломка доньшков от небольших чернолаковых сосудов из светлой с желтовато-серым оттенком глины (рис. 2, 18).

Кроме керамического материала, здесь же на скалистом полу на глубине 35 см у северной стенки найдена синяя стеклянная реберчатая (рифленая) бусина VI—V вв. до н. э. (рис. 2, 20), видимо, финикийского происхождения²⁵. При расчистке на южной стороне укрепления (рис. 1, б) были найдены такая же зеленая бусина, побывавшая в утоне и слегка сплюснутая (рис. 2, 19), а также обломок бронзового браслета с утолщенными концами (рис. 4, 21), возможно, употреблявшийся в качестве серьги.

Среди прочих находок, которые не относятся к основному комплексу, а свидетельствуют о посещении этого холма в различные эпохи, следует отметить наконечник стрелы из красного кремня с обломанным черешком, несколько кремневых скреблообразных орудий, два обломка орудий из расщепленной гальки и несколько фрагментов керамики, близкой к Очамчирской посуде эпохи ранней бронзы²⁶. В центре помещения 2 найдено несколько крупных обломков шифоса с налепным орнаментом, характерным для развитого средневековья²⁷, и тут же два обломка поливной миски, относящейся

¹⁷ Там же, стр. 86—87.

¹⁸ И. Б. Зеест, Керамическая тара Боспора (МИА, 83), М., 1960, стр. 108.

¹⁹ Б. Н. Граков, Эпиграфические клейма на горлах некоторых эллинистических остроудонных амфор, ТГИМ, вып. 1, 1926, стр. 169.

²⁰ О. Д. Лордкипанидзе, Античный мир и древняя Колхида, Тбилиси, 1966, стр. 173.

²¹ Зеест, ук. соч., стр. 73, 123—124, табл. II, 8в.

²² Там же, стр. 80—86.

²³ Граков, ук. соч., стр. 169.

²⁴ Зеест, ук. соч., стр. 101.

²⁵ Е. И. Крупнов, Древняя история Северного Кавказа, М., 1960, стр. 353, табл. LXIX, 13—14.

²⁶ Л. Н. Соловьев, Энеолитическое селище у Очамчирского порта в Абхазии, СМИА, I, 1939, стр. 40—45.

²⁷ В. И. Сизов, Восточное побережье Черного моря, МАК, вып. II, 1899, стр. 31—32.

к XIII—XIV вв. н. э. Вероятно, в этом месте в указанное время была сделана яма; этим объясняется хорошо прослеживаемое смешение культурных слоев.

Таким образом, если основание Пацхирской крепости следует отнести ко времени не ранее IX—VIII вв. до н. э., то основной комплекс находок датируется VI—I вв. до н. э.

Возникновение в Грузии подобных циклопических крепостей связывается с формированием рабовладельческого строя²⁸. В это время — VIII—VI вв. до н. э. — весь Кавказ, в том числе и современная Абхазия, был ареной бурных исторических событий и передвижений древних этнических групп²⁹. Через Абхазию прошли киммерий-

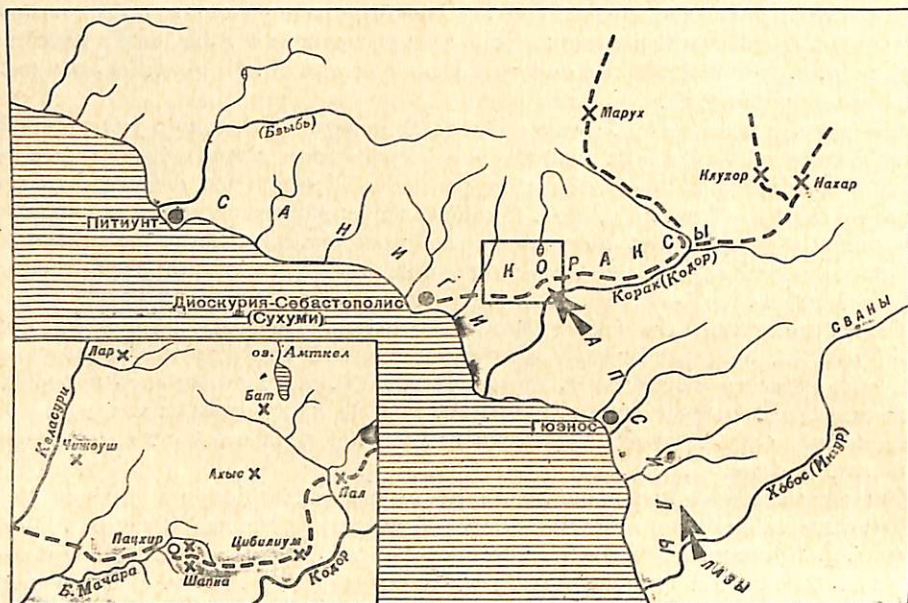

Рис. 3. Абхазия на рубеже н. э. (В квадрате — размещение памятников пацхирской культуры в районе Цебельды)

цы, за ними вторглись западноскифские племена³⁰. Вслед за этим на побережье появляются первые греческие поселения. В этих условиях охрана горными племенами подступов к своей территории должна была получить первостепенное значение.

По своему положению Пацхирская крепость направлена против попыток вторжения со стороны побережья, так как она запирает ущелье в самой узкой его части. Следы дороги, функционировавшей во времена существования крепости, подходят к подножью холма, огибают его с юга и поднимаются в Цебельдинскую долину. В 500 м к северу от укрепления на этой дороге нами найдено несколько характерных обломков пацхирской керамики. Подобная же керамика прослежена на горе Чижоуш и в нижних слоях открытых нами позднеантичных крепостей Шапка, Ахыс, Бат, Пал и Лар, где, видимо, прежде располагались поселения пацхирцев. Следовательно, следы их пребывания отмечены на площади в 100 кв. км в 20 км к северо-востоку от современного Сухуми (рис. 3, квадрат).

²⁸ Мшвениерадзе, Ук. соч., стр. 16.

²⁹ А. А. Иессен, Греческая колонизация Северного Причерноморья, Л., 1947, стр. 34—39.

³⁰ Б. Б. Piotrovskiy, Ванское царство, М., 1959, стр. 245; М. М. Трапш, Памятники колхидской и скифской культур в селе Куланурхва Абхазской АССР, Сухуми, 1962.

Таким образом, в тот период, когда греческие купцы начали налаживать связи с племенами, проживавшими в глубине страны, в Пацхирском ущелье, где проходил древнейший и важнейший путь к самым удобным в Абхазии перевалам (Марух, Клухор, Нахар) на Северный Кавказ³¹, уже стояла крепость, а за нею располагались долины с многочисленным населением, достаточно сильным и богатым, чтобы дать отпор врагу и вести выгодную торговлю. О богатстве жителей Цебельды в III—II вв. до н. э. могут свидетельствовать находки золотых монет, в том числе подражания статеру Лисимаха³², у позднеантичной крепости Цибиллум, в основании которой также можно ожидать более древние слои.

Следует подчеркнуть особую важность изучения Пацхирского укрепления, поскольку, во-первых, до сих пор в горах Абхазии не исследовано ни одного поселения эпохи бронзы или античности, во-вторых, каменные оборонительные сооружения в Абхазии известны только с первых веков н. э.³³ Гюэнос был окружен деревянной стеной и рвом³⁴. Постройки Диоскурии пока скрыты от глаз исследователя, по-видимому, на дне моря.

Кто же эти пацхирцы? Для решения этого вопроса нам представляется возможным привлечь сведения, которые нам предлагают древние авторы, в первую очередь, сведения о кораксах и их крепости.

Племена кораксов упоминаются впервые в сочинении Гекатея Милетского (ум. около 480 г. до н. э.). О них Гекатей сообщает следующее: «Кораксы, племя колхов, вблизи колов... Кораксийская крепость и Кораксийская страна»³⁵.

Более определенные сведения о кораксах имеются у анонимного автора IV в. до н. э. (Псевдо-Скилака Кариандского). Перечисляя племена Кавказского Причерноморья, среди прочих народов он называет и кораксов: «... 76. Иниохи. 77. Кораксы. За иниохами народ кораксы. 78. Колика. За кораксами народ колика»³⁶. Города Диоскуриаду и Гини он связывает с колхами. Из этого можно сделать вывод, что кораксы локализируются к северу от Диоскурии, а в этническом отношении они не колхи и не гиниохи, поскольку Псевдо-Скилак называет их отдельно от последних³⁷.

Римский автор I в. н. э. Плиний Секунд сообщает: «... и кораксы с колхским городом Диоскуриадою...»³⁸, т. е. локализует кораксов в непосредственной близости от Диоскурии, но на побережье, так как там же он дает картину расселения (с юго-востока на северо-запад вдоль берега моря) племен близ Диоскурии (Севастополис): «... племя абсисов, крепость Севастополис... племя саников»³⁹.

О том, что кораксы, обитая где-то в районе Диоскурии, жили в то же время в горах, свидетельствуют и многочисленные косвенные указания. Так, Помпоний Мела (44 г. н. э.) сообщает, что часть Кавказских гор называлась Кораксийскими горами, поскольку «... как принадлежат они (части Кавказских гор.— Ю. В.) к тем или иным народам, так и названы теми или другими именами...»⁴⁰. Он же называет реку Кубань рекой Коракондой⁴¹, возможно, потому, что она берет начало в Кораксийских горах.

Плиний Секунд упоминает Геннохийские горы, «которые другие называют Кораксийскими»⁴². Комментатор последнего издания «Известий...» правильно полагает, что

³¹ Ш а м б а, Население..., стр. 16.

³² Е. А. Пахомов, Монетные клады Азербайджана и других республик и областей Кавказа, вып. V, Баку, 1949, № 1329.

³³ Л. А. Шервашидзе, Л. Н. Соловьев, Исследование древнего Севастополиса, СА, 1960, № 3, стр. 177 сл.

³⁴ Л. Н. Соловьев, Диоскурия — Севастополис — Цхум, ТАГМ, вып. 1, 1947, стр. 125.

³⁵ В. В. Латышев, Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, I, вып. 1, СПб., 1893, стр. 2.

³⁶ Там же, стр. 85.

³⁷ А н ч а б а д з е, Ук. соч., стр. 134.

³⁸ Л а т ы ш е в, Известия..., т. II, вып. 1, СПб., 1904, стр. 179.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же, стр. 117.

⁴¹ Там же, стр. 118.

⁴² Там же, стр. 181.

новое название гор (Гениохийские) уже в это время заменило прежнее название (Кораксийские), «устаревшее в связи с исчезновением племени кораксов» (ВДИ, 1949, № 2, стр. 297).

Клавдий Птолемей (II в. н. э.) также упоминает гору Корак⁴³, являющуюся, по мнению комментатора «Известий...», «западными отрогами Кавказских гор, идущих параллельно реке Кубани» (ВДИ, 1949, № 1, стр. 274), т. е. частью Главного хребта на запад от истоков Кубани (см. карту к кн. «Известия...», т. I).

Таким образом, южная граница кораксов находилась неподалеку от современного Сухуми, но не по побережью, которое было занято, по различным сведениям, то колхами, то гениохами, то апсилами и санигами, а в горах. Северной их границей, по-видимому, был Кавказский хребет.

В литературе неоднократно высказывалось мнение относительно отождествления реки Корак Птолемея и реки Кодор (К. Маннерт, Дюбуа, Томашек); так же смотрел на этот вопрос и В. В. Латышев (см. карту к кн. «Известия...», т. II), располагая кораксов в верховьях реки Кодор. Это мнение разделяет и комментатор последнего издания «Известий...» (ВДИ, 1948, № 2, стр. 244). Но ряд авторов, опираясь главным образом на данные Птолемея, придерживается других взглядов. Б. А. Куфтин считает возможным отождествить реку Корак с древним руслом реки Бзыбь, огибавшим Пицундский мыс с востока⁴⁴, а «Сильную Крепость»⁴⁵ Птолемея с Питунтом⁴⁶.

Мнение Б. А. Куфтина поддерживает Н. Ю. Ломоури и говорит в связи с этим: «... нам кажется возможным сопоставить *Καρτερων τεῖχος* с *Κοραξίων τεῖχος* Гека-тея»⁴⁷. Далее, ссылаясь на М. М. Иващенко, который, в свою очередь, ссылается на сведения А. Н. Введенского о том, что в ущелье реки Бзыбь, против Бамборской поляны находились остатки древней стены, «идущей от берега моря вглубь», Н. Ю. Ломоури присоединяется к мнению М. М. Иващенко, что «стена эта (т. е. стена, упоминаемая А. Н. Введенским. — Ю. В.), идущая по направлению к бассейну Бзыби, ... может быть названа стеной кораксов...»⁴⁸.

Однако отождествление стены, упоминаемой А. Н. Введенским, с «Кораксийской стеной»⁴⁹ нам представляется сомнительным, поскольку сам А. Н. Введенский ясно говорит, что стена эта уходила в глубь моря, а не «в ущелье р. Бзыбь»⁵⁰: «... Памятники эти, не очень глубоко покрытые морем, следующие: стена, идущая от берега моря вглубь (моря. — Ю. В.), находящаяся против Бамборской поляны... и гробницы, лежащие на террасе у подножья гор...»⁵¹. Бамборский мыс сложен из мезотических конгломератов, которые, размываясь наступающим морем, образуют недалеко от берега по дну параллельные гряды, внешние напоминающие бетонную кладку. Видимо, об этих естественных образованиях, принимая их за древние стены, и упоминает А. Н. Введенский.

Кроме того, следует отметить, что Картеронтих указывается Птолемеем примерно на таком же расстоянии от устья реки Корак к северо-западу, как Диоскурия к юго-востоку⁵². Таким образом, если даже следовать положению, что река Бзыбь — это Корак, а Диоскуриада помещена Птолемеем там, где она находилась в действительности (т. е. в районе совр. Сухуми), то тогда в соответствии с данными Птолемея Картеронтих должен быть локализован в нескольких десятках километров к северо-западу от

⁴³ Там же, т. I, вып. 1, стр. 238.

⁴⁴ А. А. Ростовцев, Пицундская сосновая роща, «Записки Кавказ. отд. Географ. об-ва», XXIX, вып. 4, 1916, стр. 19.

⁴⁵ Латышев, Известия..., т. I, вып. 1, стр. 237.

⁴⁶ Куфтин, Материалы..., I, стр. 123 сл.

⁴⁷ Н. Ю. Ломоури, Из исторической географии древней Колхиды, ВДИ, 1957, № 4, стр. 106.

⁴⁸ М. М. Иващенко, Великая Абхазская стена, ИАНО, вып. 4, 1926, стр. 69; Ломоури, ук. соч., стр. 107.

⁴⁹ Н. Ю. Ломоури переводит *τεῖχος* не «крепость», а «стена» (ук. соч., стр. 106).

⁵⁰ Ломоури, ук. соч., стр. 107.

⁵¹ А. Н. Введенский, Замечания на записку В. Чернявского, «Протоколы V Арх. съезда в Тифлисе», М., 1879, стр. 129.

⁵² Латышев, Известия..., т. I, вып. 1, стр. 237—240.

устья р. Бзыбь. В то же время Бамборская поляна находится значительно южнее р. Бзыбь и Пицундского мыса у г. Гудаута. Поэтому вряд ли обоснована локализация «Кораксийской крепости» (или стены), а следовательно, и племени кораксов на основании сообщения А. Н. Введенского в нижнем течении реки Бзыбь, в районе позднейшего Питиунта, тем более, что древние авторы, упоминая одновременно и Питиунт⁵³, помещают кораксов в непосредственной близости от Диоскурии — современного Сухуми.

В литературе имеется еще одно соображение по поводу кораксов. З. В. Анчабадзе допускает возможность отождествления их с древнеабхазскими позднеантичными племенами санигов и апсиров⁵⁴.

Но саниги, верно отождествляемые З. В. Анчабадзе с гениохами⁵⁵, по всем имеющимся сведениям занимали прибрежную часть Абхазии⁵⁶, и на их территории находился Севастопольс⁵⁷. Судя по сообщениям Плиния Секунда и Флавия Арриана, территория санигов на рубеже нашей эры простиралась от района к югу от Диоскурии-Севастополиса⁵⁸ до Питиунта включительно⁵⁹. Топонимические данные, в частности названия на «-риши» (Гульриши, Гумриши, Дидриши и др.), подтверждают эти сообщения⁶⁰. Для поселений IV—I вв. до н. э. на территории санигов, в частности, в районе Нового Афона, долины р. Гумиста и правобережья р. Келасури, т. е. к северо-западу и к северу от совр. Сухуми, характерна керамика с большим количеством остоющих примесей, особенно крупинок известняка, которая сохранилась здесь до II—III вв. н. э., а в отдельных случаях (Новый Афон) и до раннего (VI—IX вв. н. э.) средневековья⁶¹. Подобная керамика отсутствует на памятниках Пацхирской культуры в Цебельде.

Памятники же позднеантичной апсильской культуры прослежены по побережью в юго-восточной Абхазии от Ингура до Кодора, а историческая Цебельда является крайней северной и единственной горной точкой их распространения⁶², куда апсилы проникли в I—II вв. н. э., теснимые с юга лазскими племенами⁶³. Следовательно, во второй половине I тыс. до н. э., т. е. когда кораксы обитали в районе Диоскурии, апсилы жили значительно южнее, в районе г. Очамчира (Гюэнос).

Таким образом, имеющиеся данные, которые определяют расположение племен санигов, апсиров и кораксов, препятствуют отождествлению этих племен друг с другом.

Хорошо изученная апсильская керамика из позднеантичных могильников I—V вв. н. э., исследуемых в окрестностях Цебельды⁶⁴, демонстрируя яркую преемственную связь с соответствующим материалом с раннеантичных поселений приморской Абхазии⁶⁵, в то же время не имеет ничего общего с керамикой Пацхирской крепости и не может рассматриваться как логическое развитие последней. Таким образом, упомянутое выше замечание Плиния Секунда о замене на рубеже нашей эры названия Кораксийских гор другим названием, свидетельствующее о смене населения в районе, занимаемом прежде кораксами, находит себе археологическое подтверждение в районе Цебельды, где в этот же период прослежена смена культуры пацхирцев культурой апсиров.

⁵³ Там же, т. II, вып. 1, стр. 179.

⁵⁴ Анчабадзе, ук. соч., стр. 134.

⁵⁵ Там же, стр. 137.

⁵⁶ Там же, стр. 174.

⁵⁷ Латышев, Известия..., т. I, вып. 1, стр. 222.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же, т. II, вып. 1, 1904, стр. 179.

⁶⁰ Анчабадзе, ук. соч., стр. 174.

⁶¹ М. М. Трапш, Археологические раскопки в Анакопии в 1957—1958 гг., ТАИЯЛИ, XXX, 1960, стр. 149.

⁶² Шамба, Население..., стр. 9—18.

⁶³ Г. А. Меликишвили, К истории древней Грузии, Тбилиси, 1959, стр. 383.

⁶⁴ К. И. Берзенишвили, Позднеантичная керамика из Цебельды, МАГК, II, 1959, стр. 108 сл.; М. М. Трапш, Некоторые итоги раскопок Цебельдинских некрополей в 1960—1962 гг., ТАИЯЛИ, XXXIII—XXXIV, 1963, стр. 262—264; Шамба, Население..., стр. 8—9.

⁶⁵ Г. К. Шамба, Позднеантичные погребения нагорной Абхазии, СА, 1965, № 2, стр. 264.

Поэтому нам представляется возможным сопоставить вышеописанную Пацхирскую крепость с Кораксиейской крепостью Гекатея Милетского, а пацхирцев с кораксами, то есть локализовать кораксов в среднем течении р. Кодор. В то же время нам кажется несомненной связь названия реки Корак с племенем кораксов, и поскольку кораксы обитали в среднем течении р. Кодор, именно эта река должна была называться Корак-ком. Дюбуа де Монпере по этому поводу говорит следующее: «Самым известным из этих племен... были кораксийцы — цебельдинцы наших дней; это племя непрестанно угрожало Диоскурии с высоты своих горных долин, где берет начало река Кодор — Коракс Птолемея»⁶⁶.

Следовательно, вопрос о локализации кораксов, на наш взгляд, решается с помощью археологических данных. Изучение многочисленных памятников пацхирской (кораксийской) культуры в районе современного села Цебельда должно дать богатый материал, который будет способствовать выявлению исторической картины раннеантичного периода в Абхазии.

Ю. Н. Воронов

ON THE LOCALISATION OF THE CORAXI AND THEIR FORTRESS IN ABKHASIA

by Yu. N. Voronov

At the fifteenth kilometre on the Sukhumi Military Highway, twenty km to the north-east of Sukhumi in Abkhasia, the author investigated the ruins of the cyclopean Patskhir fortress, the construction of which is dated by the type of its masonry in the ninth or eighth century B. C.

The principal group of finds, including kitchenware of local make, amphoras, beads of Phoenician make and fragments of black-glaze pottery, belongs to the period from the sixth to the first centuries B. C. The fortress guarded the approaches to the mountain valleys from the direction of the sea. Traces of habitation by the same tribe to which the fortress belonged were found by the author at several points along the middle course of the Kodor River.

On the basis of information in the ancient authors (Hecataeus of Miletus, Pseudo-Scylax of Caryanda, Pliny the Elder, Pomponius Mela, Claudius Ptolemaeus) about the Coraxi, who inhabited what is now Abkhasia in the early ancient epoch, and of the literature on this question, and also taking into account the archaeological evidence, the author proposes (in agreement with Mannert, Dubois, Latyshev and others) to identify the Patskhir fortress with the Coraxian fortress of Hecataeus of Miletus. This would localise the Coraxi on the middle course of the Kodor, in the neighbourhood of the modern village of Tsebelda to the north-east of Sukhumi, in which area were situated the ancient cities Dioscurias and Sebastopolis.

⁶⁶ Ф. Дюбуа де Монпере, Путешествие вокруг Кавказа, Сухуми, 1937, стр. 146.

ЕЩЕ РАЗ О РЕМЕСЛЕННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ В ПОЗДНЕРИМСКОМ ЕГИПТЕ

(По материалам Р. Оху. XXXI)

Недавно мы имели возможность рассмотреть на страницах ВДИ некоторые вопросы ремесленного производства римского и позднеримского Египта¹. Изданный в 1966 г. очередной 31-й том оксиринских папирусов² содержит ряд текстов, непосредственно относящихся к кругу этих вопросов. Поэтому представляется целесообразным разбор новых данных.

1. Все упоминаемые в 31-м томе оксиринских папирусов ремесленники — лица свободного статуса. Ремесленники — рабы³ или вольноотпущенники⁴ — не встречаются, хотя, надо полагать, профессиональная подготовка рабов не была редким явлением⁵, о чем, между прочим, свидетельствует и указание в заявлениях о смерти рабов на отсутствие у них профессии (*ἀτελής*)⁶. Папирусы, включенные в новый том, подтверждают давно высказанное и недавно еще раз подкрепленное анализом всего материала утверждение о преобладающей роли свободного труда в ремесле позднеримского Египта⁷.

2. Развитая специализация ремесла⁸ и связанная с ней высокая квалификация ремесленников требовали уделять особое внимание подготовке ремесленных кадров, о которой мы сравнительно хорошо информированы благодаря дошедшим до нас *διδασκαλικά*, т. е. договорам об обучении⁹. Эти договоры содержали в себе, как правило, и элементы соглашения о найме, поскольку заинтересованный в труде ученика (господину, отцу и т. п.) заработную плату, форма, размеры и сроки выдачи которой зависели от конкретных условий соглашения¹⁰.

¹ И. Ф. Фихман, Некоторые вопросы хозяйственной деятельности ремесленных корпораций позднеримского Египта, ВДИ, 1965, № 3, стр. 146—153; он же, рец. на кн.: E. Wipszyska, L'industrie textile dans l'Égypte romaine, Wrocław — Warszawa — Kraków, 1965, ВДИ, 1966, № 4, стр. 191—198.

² The Oxyrhynchus Papyri, Part XXXI, ed. ... by J. W. B. Barns, P. Parsons, J. Rea, E. G. Turner, L., 1966 (Graeco-Roman Memoirs, 45).

³ О «наемном труде» см. реферат: I. Bieżuńska-Małowist, «Praca najemna niewolników w Egipcie grecko-rzymskim. Wydział nauk społecznych Polskiej Akademii nauk, Sprawozdania z prac naukowych wydziału nauk społecznych, VIII, 2, 1965, стр. 24—31. О найме раба ткачом говорится в Р. Wisconsin. I, 5 (186 г. н. э.), опубликованном в 1967 г. (нам недоступен).

⁴ О них: I. Bieżuńska-Małowist, Les affranchis dans les papyrus de l'époque ptolémaïque et romaine, «Atti dell'XI Congresso Internazionale di Papirologia Milano 2—8 settembre 1965», Milano, 1966, стр. 433—443, в особенности стр. 437—438.

⁵ Материал собран в работе: Cl. A. Forbes, The Education and Training of Slaves in Antiquity, TAPA, LXXXVI (1955), стр. 328—334.

⁶ Такое заявление опубликовано и в данном томе: Р. Оху. XXXI, 2564 (154 г.).

⁷ E. Wipszyska, L'industrie textile dans l'Égypte romaine, Wrocław — Warszawa — Kraków, 1965, стр. 71—73; И. Ф. Фихман, К проблеме социально-экономического состава ремесленников в Египте IV — середины VII в. н. э., «Проблемы социально-экономической истории древнего мира». Сб. памяти акад. А. И. Тюменева, М.—Л., 1963, стр. 355—362; он же, Египет на рубеже двух эпох. Ремесленники и ремесленный труд в IV — середине VII в., М., 1965, стр. 47—63, 249.

⁸ В этой связи интересно указание в Р. Оху. XXXI, 2570, II (329 г.) на наличие *χορὸν τῶν χειρῶν τοῦ χειρῶντος* [χ]εῖρας, что предполагает наличие корпораций, объединяющих другие разновидности *χειρῶν*. См. и данные, содержащиеся в опубликованном А. Траверсой генуэзском папирусе IV века н. э., в котором впервые упоминаются ряд до сих пор не засвидетельствованных папирологическим материалом профессий, в том числе и ремесленные, и в частности доказываются различия между *ἐργαστοὶ* и *λανάρια* (A. Traversa, Spunti sociologici nel papiro inedito genovese PUG inv. n. 1386, «Atti dell' XI Congresso», стр. 260—271). Ср. Фихман, Египет..., стр. 33—34.

⁹ Литература: Фихман, Египет..., стр. 78 + Addenda, стр. 306 и Wipszyska, L'industrie textile..., стр. 58—63, 65—67. Опубликованный в 1967 Р. Wisconsin, I, 4 (53 г. н. э.) нам недоступен.

¹⁰ Подробнее: Фихман, Египет..., стр. 80—81, 85₁₈₃.